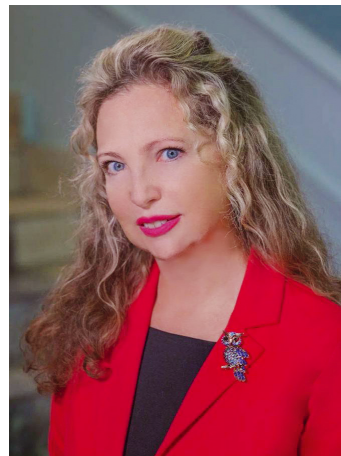

УДК 340

ПРАВОВОЕ ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАНИЕ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОСЧЕТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

ОБЗОР XXVI МЕЖДУНАРОДНОГО МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ФОРУМА «ЮРТЕХНЕТИКА» НА ТЕМУ «ЭКСПЕРИМЕНТ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ (ДОКТРИНА, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА)»

© 2024 г. В. М. Баранов^{1, *}, Н. В. Кроткова^{2, **}, М. В. Баранова^{3, ***}

¹Нижегородская академия МВД России

²Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

³Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

* E-mail: baranov_prof@bk.ru

** E-mail: krotkova2012@yandex.ru

*** E-mail: qazxsw1232007@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.10.2024 г.

Аннотация. XXVI Международный научно-практический форум «Юртехнетика» явился очередным этапом углубленного междисциплинарного анализа экспериментальной правовой регламентации. Участники форума осветили юридически значимые эксперименты как содержательные и технико-юридические средства совершенствования законодательства, толкования и применения права, оптимизации образовательных программ. Проведена критическая оценка функционирующих в России экспериментальных правовых режимов.

Ключевые слова: социальный эксперимент, правовой эксперимент, философия, социология, этика правового экспериментирования, технико-юридическая специфика правового экспериментирования, экспериментально-юридическая норма, экспериментальный нормативный правовой акт, экспериментальный правовой режим, процесс правового экспериментирования, оценка результатов правового экспериментирования.

Цитирование: Баранов В. М., Кроткова Н. В., Баранова М. В. Правовое экспериментирование: достижения, просчеты, перспективы
Обзор XXVI Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)» // Государство и право. 2024. № 12. С. 190–207.

DOI: 10.31857/S1026945224120181

LEGAL EXPERIMENTATION: ACHIEVEMENTS, MISCALCULATIONS, PROSPECTS

REVIEW OF THE XXVI INTERNATIONAL INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC AND PRACTICAL FORUM “YURTECHNETICS” ON THE TOPIC “AN EXPERIMENT IN LEGAL REGULATION (DOCTRINE, PRACTICE, TECHNIQUE)”

© 2024 V. M. Baranov^{1,*}, N. V. Krotkova^{2,**}, M. V. Baranova^{3,***}

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

²Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

³National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

*E-mail: baranov_prof@bk.ru

**E-mail: krotkova2012@yandex.ru

***E-mail: qazxsw1232007@yandex.ru

Received 21.10.2024

Abstract. The XXVI International Scientific and Practical Forum “Yurtechnetics” was the next stage of an in-depth interdisciplinary analysis of experimental legal regulation. The forum participants highlighted legally significant experiments as meaningful and technical and legal means of improving legislation, interpretation and application of law, and optimization of educational programs. A critical assessment of the experimental legal regimes operating in Russia has been carried out.

Key words: social experiment, legal experiment, philosophy, sociology, ethics of legal experimentation, technical and legal specifics of legal experimentation, experimental legal norm, experimental normative legal act, experimental legal regime, the process of legal experimentation, evaluation of the results of legal experimentation.

For citation: Baranov, V.M., Krotkova, N.V., Baranova, M.V. (2024). Legal experimentation: achievements, miscalculations, prospects

Review of the XXVI International interdisciplinary scientific and practical forum “Yurtechnetics” on the topic “An experiment in legal regulation (doctrine, practice, technique)” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 190–207.

25–28 сентября 2024 г. в Нижнем Новгороде прошел XXVI Международный междисциплинарный научно-практический форум «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)» (далее – Форум).

Учредителями мероприятия выступили Нижегородская академия МВД России, Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА), Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (ННГУ им. Н.И. Лобачевского) и Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника» (НИНПЦ «Юртех»).

Пленарное заседание конференции традиционно открыл основатель форума «Юртехнетика» д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» В.М. Баранов. Он отметил,

что Форум посвящен 100-летию Нижегородской академии МВД России, которое наступит 5 ноября 2027 г.

К участию в мероприятии был заявлен 381 доклад.

Междисциплинарность подхода к теме мероприятия помимо юристов привлекла представителей неюридических отраслей знаний, в том числе философов, экономистов, математиков, физиков, историков, медиков, педагогов, психологов.

Форум вызвал интерес иностранных специалистов из Монголии, США, Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдавии, Таджикистана, Узбекистана. Российская «география» Форума была представлена 37 научными центрами.

В.М. Баранов привлек внимание к специфике терминологической (языковой) сферы правового экспериментирования. Сложился язык правового экспериментирования как относительно самостоятельной креативной области языка права. Образовался своеобразный подъязык (либо надъязык) в рамках полифункциональной юридической знаковой системы. В.М. Баранов показал, что кроме мысленного

эксперимента в правовом регулировании желательно использовать свободный ассоциативный эксперимент.

Соотношение теории права и эксперимента до сих пор в юриспруденции не раскрыто. Правовая доктрина может подтверждаться экспериментами, но эксперимент при определенных обстоятельствах может «разрушить» концепцию, показать несогласованность ее элементов. Нужна технология измерения приемлемости правового экспериментирования.

Следует «внедрить» в учебную практику подготовку экспериментальных учебников по фундаментальным юридическим дисциплинам и создать тем самым честную конкурентную среду для преподавателей-новаторов.

Завершая вступительное слово, В.М. Баранов объявил тему XXVII форума «Юртехнетика»: «Символы в праве (доктрина, практика, техника)».

С приветственными словами к участникам XXVI форума «Юртехнетика» обратились: **А.В. Яцкин** — Первый заместитель Председателя Совета Федерации ФС РФ; **Е.Б. Люлин** — Председатель Законодательного собрания Нижегородской области; **К.А. Плясов** — начальник Нижегородской академии МВД России, д-р юрид. наук, акад. РАЮН, генерал-майор полиции; **О.В. Трофимов** — ректор ННГУ им. Н.И. Лобачевского, д-р экон. наук, проф.; **Е.В. Ильгова** — ректор СГЮА, канд. юрид. наук, доц.

Серию докладов пленарного заседания открыл **Н.Н. Тарасов, д-р юрид. наук, доц. (г. Екатеринбург)**, указав, что с позиций методологии научного познания «правовой эксперимент» является специальным термином, но не является научным понятием на том основании, что понятие «эксперимент» возникло и разработано в естественных науках для обозначения специальных действий по эмпирической проверке теоретических гипотез, которые в науках социальных и гуманитарных практически не осуществимы. Иными словами, мы имеем термин с неопределенным содержанием. Кстати, соответствующее понимание обнаруживается и в возникшей в XX в. методологической традиции социогуманитаристики.

Анализ применения данного термина в законодательстве показывает, что по своему содержанию он относится не к действиям по проверке научных гипотез, а к проверке работоспособности (эффективности) разного рода организационных, технических и юридических конструкций. Отсюда необходима разработка понятия для данного класса объектов, включающего их существенные признаки и имеющего соответствующий объем. И это не только вопрос понятийной корректности и эффективности нашего научно-го аппарата, но и действительности соответствующих практик. В качестве ориентира можно принять распространенную в социальном управлении идею пилотного проекта, разумеется, с соответствующим переосмыслением, адаптацией и конструкцией для целей юридической науки и практики правового регулирования.

М.Л. Давыдова, д-р юрид. наук, проф. (г. Волгоград), обратилась к институту «регулятивных песочниц», относительно недавно воспринятому российским законодательством и получившему название «экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций» (Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ). Были рассмотрены как практические вопросы внедрения «песочниц» (качество их нормативной базы, особенности процедуры установления, преобладание подзаконного регулирования и связанные с ним риски), так и теоретические. В частности, проведено

различие между традиционно используемым в научной литературе понятием «правовой эксперимент» и тем, что законодатель понимает под «экспериментальным правовым режимом в сфере цифровых инноваций». Последний представляет собой не апробацию правового решения некоей проблемы, а временное дерегулирование в целях тестового внедрения определенного технологического решения. Практика реализации рассматриваемого правового института проанализирована на примере двух действующих экспериментальных режимов в сфере телемедицинских технологий: режима, связанного с использованием персональных медицинских помощников (устройств для дистанционного мониторинга состояния здоровья), а также режима, обеспечивающего проведение телемедицинских консультаций. Высказана гипотеза о том, что сложности в реализации последнего связаны с неправильным выбором правовой модели экспериментирования, так как в данном случае востребовано не столько тестирование технологического решения или оборудования, сколько поиск оптимального варианта правового регулирования (телемедицинские консультации предусмотрены российским законодательством с 2017 г., но до сих пор не подобрана подходящая правовая форма, обеспечивающая широкое распространение дистанционных медицинских услуг).

С.А. Афонцев, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук (г. Москва), в докладе обратился к возможностям использования современных достижений экспериментальной экономики для решения вопросов, представляющих интерес для юридической науки. Было показано, что для экспериментальной деятельности в социальных науках ключевое значение имеет соблюдение критериев внутренней и внешней валидности результатов эксперимента, т.е. обеспечение, с одной стороны, корректности выводов, полученных в рамках самого эксперимента, а с другой — корректности перенесения выводов, полученных в рамках эксперимента применительно к одной группе людей, на другие группы, действующие в других контекстах (другой регион, отрасль, культурная среда и пр.). В зависимости от типа эксперимента (естественный эксперимент; эксперимент, направленный на тестирование гипотез; эксперимент, направленный на выяснение фактов) критерии внутренней и внешней валидности могут быть разными, что каждый раз требует большой осторожности при интерпретации полученных в ходе эксперимента выводов. Докладчик предостерег от излишне оптимистичного отношения к экспериментальным данным, продемонстрировав на примере «новой экономики развития» спектр ошибок, которые могут совершать исследователи. В юридической науке цена таких ошибок может быть еще выше, чем в экономической, поскольку основанные на них неадекватные рекомендации в отношении изменения норм права могут затрагивать не только благосостояние, но и судьбы людей. В связи с этим была особо подчеркнута роль теоретического знания, которое должно давать исследователю базовые ориентиры как при разработке дизайна эксперимента, так и при интерпретации его результатов. Опора на теорию — главная гарантия корректного применения экспериментальных данных как в экономической, так и в юридической науке.

В.И. Червонюк, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва), отметил, что прагматизация юридических исследований, включая использование экспериментальной деятельности в сфере действия права, получает предметное воплощение в той части юриспруденции, которую правовая доктрина квалифицирует в статусе прикладной юриспруденции. Тем самым феномен правотворческого эксперимента не является

исключительно элементом законодательной техники, а его осмысление далеко не ограничивается методологией позитивизма. Поэтому не является конструктивным затянувшийся спор о понятии правового эксперимента, возвращающий современную правовую мысль к забытой и охарактеризованной Р. Иерингом «юриспруденции понятий». Общесоциальная потребность правотворческого эксперимента обусловлена действием факторов метаправового характера, каковыми являются цифровизация, возникшие в этой связи виртуальная и дополнительная реальности. Каким в этих новых условиях должно быть право; способно ли оно встроиться в цифровую среду, при этом будучи не тормозом, а драйвером развития в ней инновационного и социально востребованного? Таким образом, необходимость найти место праву, а значит и государству, в условиях динамично утверждающейся цифровизации (цифровой экономики прежде всего) имеет экзистенциальную значимость. В ином случае право не способно будет в новой для него среде навязывать присущие ему стандарты поведения, позиционировать качество общесоциального регулятора. Но тогда цифровая среда окажется свободной и от влияния государства: свободное от государственного присутствия пространство — огромная по размерам серая зона — будет наводнена квазирегуляторами и теневыми структурами их обеспечения.

Отсюда проистекает вывод принципиального свойства: цифровой среде противодействует не право (которому предлагается «заменитель» в виде программного кода), а попытка адаптировать к этой среде традиционные правовые регуляторы. В принципе Федеральный закон об экспериментальных правовых режимах — это способ найти баланс между агрессивно утверждающимися цифровыми технологиями (частным интересом) и современными механизмами цивилизованного их внедрения в жизнь (публичным интересом). Формирование цифрового — нового — права, или права, адаптированного к цифровой экономике, — важная задача современных законодательных стратегий, а поиск нового права, адаптированного к цифровой среде, — социальный заказ для развивающейся науки о праве и государстве.

В.М. Баранов, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ (г. Н. Новгород), посвятил доклад обоснованию логико-гносеологической, организационно-управленческой, культурно-воспитательной, дидактической необходимости характеризовать экспериментальный нормативный правовой акт в качестве особой разновидности нетипичного источника. Методологически ущербно и практически вредно именовать это правовое явление нестандартным, нетрадиционным, нетривиальным, атипичным, квазиисточником, пилотным проектом. Приведенные характеристики — конкретные проявления сущности нетипичности экспериментальных нормативных правовых актов. Не экспериментальные правовые нормы и предписания, а именно цельные нормативные юридические акты в итоге формируют экспериментальные правовые режимы.

Требуется разработка развернутой междисциплинарной концепции «нетипичная форма права», центральным элементом которой выступит нетипичный нормативный юридический акт, включая экспериментальный. Есть резон создать юридический экспериментариум — специализированный центр для фиксации и критического анализа всех планировавшихся и проведенных юридических экспериментов, как успешных, так и провальных. Мораторий на экспериментальное правотворчество нельзя рассматривать как исключительное средство повышения качества

законодательства — это должно «квалифицироваться» как обычное, рядовое технико-юридическое обеспечение безопасности личности, гражданского общества, государства.

В обсуждении докладов пленарного заседания и иных остро дискуссионных проблем экспериментирования в праве приняли участие как известные ученые, так и начинающие исследователи.

Если за основу взять номенклатуру научных специальностей в сфере права, то панорама выступлений участников Форума выглядит следующим образом.

Теоретико-исторические проблемы составили «стержень» обсуждения юридически значимых экспериментов и реально проявили методологическую роль теории и философии права по отношению к отраслевым правовым наукам.

Профессор В.В. Лазарев, д-р юрид. наук, заслуженный деятель науки РФ (г. Москва), поставил отнюдь не риторический вопрос: «Правовому эксперименту быть, но какому?». Его лаконичный ответ «образовал» цельное красивое эссе.

В предисловии к первому изданию т. 1 «Капитала» К. Маркс написал, что «при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции». Это положение было воспринято в качестве методологического всеми общественными науками. Ссылаясь на него, на кафедре теории государства и права МГУ в 1965 г. мне не утвердили тему кандидатской диссертации, посвященную правовому эксперименту. Кстати, имел к тому времени некий задел и две публикации по теме, что в те годы считалось достаточным для защиты.

Сегодня об общественных экспериментах пишут много. Однако, как представляется, общие заключения о развитии общества как естественно-исторического процесса не перестали сохранять свое значение. Естественные законы общественного развития не позволяют перескочить через естественные этапы развития или перекроить их по воле мудрых законодателей. И свободное научное исследование, и демократические формы правотворчества предполагают пределы социальных экспериментов.

Общеизвестно марксистское положение об уподоблении законодателя естествоиспытателю. Но общественные науки пока не стали естественными. Здесь масса вариаций. К тому же среди естествоиспытателей тоже разные подходы случались к исследованиям и получению искомых результатов. Там были свои лысенки и свои мичурины. Отсюда вопрос: надо ли законодателю «ждать милостей» от природы общественных отношений или «взять их — наша задача»? Почему бы законодателю не попытаться опытным путем сконструировать образцы приемлемого поведения? Относительно возможностей и пределов правового эксперимента в свое время велись дискуссии, и до настоящего времени некоторые акции выдаются за правовые эксперименты, хотя по большому счету строгой научной критики не выдерживают. Во всяком случае, когда представляли Францию «в качестве поля конституционного экспериментирования», когда октябрьские события 1917 г. в России представляли в качестве эксперимента (своего рода поле внеконституционного экспериментирования), — речь могла идти не об экспериментах, а о самой естественной жизни. За 60 лет существования Третьей республики во Франции сменилось 94 правительства; за 12 лет существования Четвертой республики — 22. Советское государство перестало

существовать вопреки идеям его основателей. И жизнь продолжается по своим закономерностям.

Тем не менее с рядом оговорок следует признать возможность правового конструирования на экспериментальном уровне. Естественники вырастили свою овечку Долли, а почему юристы не могут «вырастить» некую структуру (орган, организм, социоформу), пригодную для использования в системе правовых отношений? Похоже, на эту роль сегодня вполне может претендовать криптовалюта и ей подобные виртуалии. Опасности есть — и немалые. Вместо стада овечек может вдруг появиться стадо волков, пожирающих всех собак, а очередная пирамида может обрушиться.

Опасности проистекают от супермодернистских позиций отказа в науке от истины, в пропаганде такой сути человеческой жизни, которая лежит не в следовании праву и в вознаграждении добродетели, а в максимально эффективном использовании правил для собственной корысти, в зависимости от ситуации. Сами правила рассматриваются как неоднозначные, гибкие, противоречащие друг другу, непоследовательные, служащие в качестве ресурсов для используемых меняющихся стратегий. Такая парадигма создает иллюзию выбора, которая, по замечанию известного государственного деятеля, является важнейшей из иллюзий, коронным трюком западного образа жизни вообще и западной демократии в частности. Соответственно, можно бесмерно экспериментировать вопреки суждениям о закономерностях объективной реальности и возможности ее научного постижения. Таким образом, как представляется, дискурсивно-разумное, понятийное познание, свойственное, в частности, юридической науке, способно к нахождению тех «истин», которыми питается эта наука и которые удовлетворяют прагматику государственно-правовой жизни, но стратегия государственной деятельности должна все-таки основываться на признании объективных закономерностей результативной коммуникационной активности.

Российское законодательство об экспериментальных правовых режимах получило весьма широкое развитие, и уже одно это обстоятельство не дает сомневаться в возможностях правового эксперимента. Однако столь же несомненно, что многие его установки нуждаются в серьезной критике.

Дискуссию продолжил **Ю.Г. Арзамасов, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва)**. В 2022–2024 гг. Минэкономразвития России фактически осуществило эксперимент под названием «пилотное тестирование» государственной информационной системы (ГИС) «Нормотворчество». Результаты тестирования показали, что наиболее востребованными у юристов оказались функции: подготовки замечаний; совместного редактирования документов сотрудниками разных ведомств; автоматическое формирование таблицы разногласий; «цифровая разметка», позволяющая перевести неструктурированный текст сразу в машиночитаемый формат; применения шаблонов типовых проектов нормативных правовых актов; дашборд. Докладчик обратил внимание на то, что с 1 октября 2024 г. ГИС «Нормотворчество» вводится в эксплуатацию пока только в Правительстве РФ, Минэкономразвития, Минфине, Минэнерго и в Минприроды, где будет использоваться как для внутреннего, так и межведомственного согласования проектов нормативных правовых актов, а также для их направления на цифровые платформы regulation.gov.ru и pravo.gov.ru.

В.Б. Исаков, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ (г. Москва), предложил анализ конкретного государственного проекта — присоединения России к Болонской

системе образования. Сегодня наша страна выходит из этой системы. Можно считать этот выход результатом государственно-правового эксперимента?

Позитивно оценивая цели и задачи вхождения России в Болонский процесс (формирование единого образовательного пространства, стандартизация академических курсов, расширение обменов и др.), В.Б. Исаков полагает, что реформа образования на основе Болонской системы не состоялась в силу нескольких причин: инерции сложившейся к тому времени российской системы образования; бюрократического подхода к внедрению инноваций; пренебрежения к традициям и приоритетам национальной школы в сфере образования. Докладчик сделал вывод, что вступление в Болонскую систему образования в России нельзя считать государственно-правовым экспериментом, так как эксперимент предполагает опытную проверку проектируемого решения в ограниченном объеме. Решение о вступлении в Болонскую систему образования было принято в полном объеме и масштабировано сразу на всю страну. Необходимая поэтапность, учет региональных и отраслевых особенностей не были проведены в достаточной степени. Качество и состояние действующих систем образования не было объективно оценено. Необходимый мониторинг за результатами реформирования не был сформирован.

Последствия данного политико-правового решения будут ощущаться многие годы. Попытку присоединения России к Болонской системе образования можно считать историческим артефактом, если угодно, международным экспериментом или экспериментом над собственным народом, но управленческим экспериментом в сфере образования и тем более экспериментом в научном смысле слова ее считать невозможно.

М.В. Баранова, д-р юрид. наук, проф. (г. Н. Новгород), отметила экспериментальную составляющую, присущую процессу и результату введения инновационной правовой регламентации. Множественность смежных понятий (гипотеза, пилотный проект, переходный период, опыт, тестирование управленческого решения, тестовый/экспериментальный режим, испытание, правовая диагностика и пр.) размывают границы понимания эксперимента в процессе правового регулирования. Попытка современной юридической доктрины связать эксперимент в праве исключительно с термином «эксперимент» в наименовании правового акта или с экспериментальными нормами неизбежно приведет к потере части существенных граней смысла и существенных основ этого сложного феномена, особенно применительно к новым для правового воздействия ареалам отношений, деятельности. Анализ системы национального права в целом, и особенно обращение к элементам инновационной правовой регламентации, позволяет с высокой долей уверенности говорить не только о текстуальном, но и о смысловом закреплении составляющих эксперимента, экспериментального содержания норм в интенсивно трансформирующемся современном законодательстве, внутри самого правотворческого процесса. Особый интерес и иллюстративную ценность в этой связи представляют, например, государственно-властные веления, вводящие новые требования и ограничения рекламы в информационно-коммуникационной сети Интернет, и пояснительные записки к проектам таких нормативных правовых актов. Технологии искусственного интеллекта, являясь частью сложной экспериментальной деятельности, реализуют свой потенциал в сети Интернет, неизбежно влияя на информационные, в том числе рекламные, потоки, чем обуславливают экспериментальную специфику новых правовых

регламентов и отдельных элементов процесса правотворческой деятельности.

И.С. Барзилова, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва), отметила, что правовой эксперимент можно рассматривать как комплекс мероприятий, проводимых правотворческими и правоприменительными органами с целью апробации новых правовых моделей, средств, механизмов и норм для определения их эффективности, возможности применения в механизме правового регулирования, прогнозирования возможных рисков и последствий после их законодательного закрепления и последующего использования. Необходимость проведения правовых экспериментов продиктована следующими обстоятельствами: появлением качественно новых общественных отношений, регулируемых с помощью экспериментальных норм (отношения, связанные с использованием биотехнологий, цифровых средств); расширением сферы правового регулирования (медицинское право); апробацией предлагаемых новых правовых норм, средств и механизмов (правовое регулирование смарт-контрактов); выявлением потенциала регулирующего воздействия уже используемых правовых норм, средств и механизмов; прогнозированием рисков и социальных последствий нововведений на законодательном уровне; созданием и апробированием «адаптационных» правовых механизмов (в период пандемий); получением опыта экспериментального правового регулирования; проверкой возможной «мобильности» права и т.д.

Н.И. Биюшкина, д-р юрид. наук, проф. (г. Н. Новгород), сформулировала понятие организационно-правового эксперимента в государственном масштабе как совокупности мероприятий верховной власти по формированию новой парадигмы государственной власти и местного самоуправления, административно-территориального устройства и правовой системы. Были представлены критерии (по масштабу, по сфере воздействия, по результатам) и проведена классификация данного явления. Показаны особенности проявления организационно-правового эксперимента в различных направлениях советской национальной политики в изучаемый период времени. На основе анализа архивных документов исследованы отдельные аспекты деятельности Народного комиссариата по делам национальностей, которые иллюстрируют организационно-правовые основы новаторского курса Советской России по практической реализации права наций на самоопределение. Исследованные материалы позволили сделать вывод о том, что идея национального самоопределения была возведена советской властью в один из принципов устройства государственного аппарата, а не только административно-территориального построения страны.

Н.А. Власенко, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ (г. Москва), попытался обосновать теорию юридической экспериментологии. Он подчеркнул, что осмысление феномена юридического эксперимента предполагает привлечение соответствующих философских знаний. Философия определяет эксперимент как метод познания, при помощи которого в управляемых условиях исследуются явления действительности. Философская наука важность эксперимента, его роли в науке и практике отмечает со времен английского философа Фрэнсиса Бэкона. Однако какой-либо стройной теории эксперимента в философии, в том числе социологии, нет. Социология считает, что эксперимент в социогуманитарных науках может проводиться только на основе соответствующей теории. В юриспруденции правовая база проведения экспериментов раздроблена, каких-то системообразующих нормативных правовых

актов не существует. Аналогичное можно сказать и о научных исследованиях в деле осуществления правовых экспериментов. Н.А. Власенко пришел к выводу, что общая теория юридического эксперимента крайне необходима. Далее был приведен ряд примеров фактических юридических экспериментов. Принятие социально важных документов предполагает серьезное правотворческое экспериментирование, что, несомненно, явится условием эффективности праворегулирования.

Р.Б. Головкин, д-р юрид. наук, проф. (г. Владимир), посвятил доклад особенностям правовых экспериментов, их признакам, содержанию, направленности и последствиям. Экспериментом в сфере правового регулирования целесообразно называть лишь научные и профессиональные эксперименты. На основе данного суждения делается вывод о том, что в целом эксперименты, связанные с правом, можно именовать как правовые эксперименты, к которым можно отнести эксперименты в любой области общественных отношений, урегулированных правом. Анализ теории и практики правового регулирования позволил сформулировать и обосновать концепцию о срочных и длящихся правовых экспериментах. Исследуется длящийся эксперимент по морализации права, устанавливается реальная эффективная связь права и морали на основе принципа комплементарности. В результате рассмотрения теории и практики взаимной связи права и морали делается вывод о том, что морализация закона приводит к декомплементарности права и морали. Формулируется дефиниция «правовая декомплементарность».

Т.Е. Грязнова, д-р юрид. наук, проф. (г. Омск), раскрыла интроспективно-экспериментальный метод исследования права Л.И. Петражицким, который впервые в юридической науке обосновал мысленный эксперимент как прием исследования индивидуальной психической реальности. Экспериментальная интроспекция (внутренние эксперименты и внешнее экспериментальное наблюдение) постулируется автором в качестве основного метода изучения правовых явлений. Поскольку подавляющее большинство эмоций не доступны взору наблюдателя, необходимо познание «законов колебания эмоций» и применение экспериментальных приемов, стимулирующих высшую степень их интенсивности, к числу которых Л.И. Петражицкий относит «метод противодействия» (достижение интенсивности эмоций путем создания искусственных препятствий) и «метод дразнения» (создание иллюзии легкоустраимости препятствий неустраимых).

С.В. Кодан, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ (г. Екатеринбург), в своем сообщении остановился на проблематике места и роли междисциплинарности как своеобразной экспериментальной лабораторной площадки в развитии юридической науки. Опираясь на концепцию понимания лаборатории Б. Латура и С. Вулгара, с учетом отечественных научно-философских разработок С.В. Коданом были показаны возможности лабораторного типа исследований в социально-гуманитарных исследованиях, когда та или иная проблема поступает в пространство изучения специально создаваемым коллективом ученых различных научных специальностей под руководством ведущего ученого в области проблематики работы с опорой на современные организационно-поисковые методы решения задач — синектики, агрегирования, инверсии и др. Он акцентировал внимание на том, что личностное привлечение членами исследовательского коллектива дисциплинарных проекций на их пересечении и взаимного дополнения позволяет представить научные факты в новых, часто

неожиданных проекциях, увидеть новые грани предмета изучения и выйти на принципиально новые знания. Докладчик указал также на отличия и специфику лабораторной деятельности в социогуманитаристике, существенно отличающейся от лабораторных исследований естественнонаучного и технического профиля, требующие понимания механизмов обеспечения точности, доказанности и проверяемости полученных результатов в социально-гуманитарных науках.

Г.С. Курбанов оглы, д-р юрид. наук, проф., и И.М. Алиев оглы, канд. юрид. наук, доц. (Азербайджанская Республика), предприняли попытку обосновать теологический подход к медико-биологическим экспериментам (трансплантологии). Отношение религии к трансплантации по большей части позитивное в первую очередь потому, что не допускает коммерциализации в этой области. Католицизм допускает пересадку органов и переливание крови в том случае, если нет альтернативных средств лечения для сохранения жизни пациента, причем донорство допускается только на добровольной основе. Протестантские богословы признают законность намерений человека, нуждающегося в донорских органах, однако продажа органов предается анафеме. В буддизме пересадка органов считается возможной только от живого донора при условии, что это было оформлено актом дарения. В исламе трансплантация органа человека разрешается в случае, если ожидаемая польза от операции очевидным образом перевешивает возможный вред.

Теологический отечественный и зарубежный опыт в области трансплантации органов человека показывает, что ни одна из религиозных конфессий не имеет принципиальных возражений против органного донорства. Сама по себе даже самая лучшая юридическая модель регулирования посмертного органного донорства не будет эффективной без соответствия ее морально-этическим, духовным, религиозным ценностям конкретного общества, постоянной работы юристов, медиков, иерархов церкви, СМИ по ее популяризации. Необходимо сконцентрировать усилия политиков, правоведов, богословов, медицинского профессионального сообщества с целью изменения общественного мнения в пользу трансплантологии¹.

Трансплантация должна иметь как нравственное, так и юридическое обоснование, здесь должны учитываться интересы всех сторон — тех, у кого с их безусловного согласия в той или иной жизненной ситуации забраны органы, и той стороны, которая нуждается в помощи. При любых обстоятельствах важно одно — строгое соблюдение добровольного начала при решении данного вопроса и всех этических, правовых и нравственных принципов.

Г.М. Лановая, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва), обратила внимание на то, что правовой эксперимент, как правило, изучается в тех аспектах, в которых первостепенной значимой оказывается его связь с правом в объективном смысле. Вместе с тем столь же важным и необходимым для юридической науки и правовой практики является исследование правового эксперимента в контексте его связи с субъективными правами. Взгляд на него через призму прав и свобод человека и гражданина позволяет обнаружить ряд вопросов, требующих решения. В частности, встает вопрос об условиях допустимости правового эксперимента как метода познания и средства воздействия на ту реальность,

в которой существует человек. Возникает проблема определения пределов правового экспериментирования, выход за которые превращает последнее в дискриминационную практику. Актуальным оказывается вопрос о том, является ли властная воля достаточным основанием для вовлечения человека в правовой эксперимент либо на это необходимо его согласие. Кроме того, обнаруживается ряд других серьезных проблем, требующих обсуждения.

И.А. Минникес, д-р юрид. наук, проф. (г. Иркутск), проанализировал существующие подходы к понятию правового эксперимента и его роль в различных сферах юридической деятельности. Под экспериментом следует понимать процедуру, которая осуществляется для подтверждения или опровержения какой-либо гипотезы. Кроме того, необходимо отличать эксперимент от сходных явлений, таких как пилотный проект, пробные испытания и т.д. В правовой сфере возможность эксперимента весьма ограничена. При этом нужно учитывать и отраслевые особенности, что сделано на примере конституционного права.

И.В. Минникес, д-р юрид. наук, проф. (г. Иркутск), представила авторскую методику оценки интереса законодателя в регулировании конкретного государственно-правового института, которую обозначила как «коэффициент заинтересованности законодателя» (КЗЗ). Под последним понимается доля норм, регулирующих конкретный институт, например выборы, в общем количестве предписаний, содержащихся в тексте закона (Конституции). Методика определения КЗЗ особенно эффективна в сравнительно-правовых исследованиях как синхронного, так и диахронного характера.

А.Р. Нематов, д-р юрид. наук, доц. (Республика Таджикистан), посвятил свое выступление проблематике правового эксперимента как правотворческому методу. Исследования показывают, что правовой эксперимент есть составляющий элемент любой правотворческой деятельности. Принятие нового нормативного правового акта или внесение в него изменений и дополнений по своей сути выступают экспериментальными процедурами, так как норме права впервые дается официальный статус. Как эффективно она будет действовать и насколько эти нормы будут восприняты обществом, где внедряется правовая норма, будет свидетельствовать только время. А.Р. Нематов отметил, что на современном этапе научно-технического прогресса, стремительного развития информационно-коммуникационных технологий правовой эксперимент может стать одним из самых главных правотворческих методов регуляции новых форматов общественных отношений, особенно в виртуальном пространстве.

Предлагается к правовому эксперименту в контексте правотворческого метода подойти в широком ракурсе. В итоге это может привести к следующим результатам. Первый момент: правовая норма удачна, она выполняет возложенные на эксперимент задачи эффективно, вследствие чего достигается в данной сфере определенный уровень законности и правопорядка. Другой момент: правовой эксперимент неудачен, когда правовая норма не выполняет возложенные на него задачи эффективно.

Р.А. Ромашов, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ (г. Санкт-Петербург), предложил рассматривать исторический эксперимент в качестве метода историко-правового познания дискретных (циклических) государственно-правовых конструкций, изучаемых постфактум. В качестве субъекта исторического эксперимента выступает государство, предельное одновременно

¹ См.: Степанова Е. Трансплантация органов человека: мировой опыт и Россия. Гражданско-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

«диагностируемым государственным телом» и «диагностом», равно как и «творцом/интерпретатором», осуществляющим оценку как современного, так и ретроспективного состояния государства и права, а также вербализующим и видоизменяющим собственную (национальную) и «потустороннюю» (зарубежную и регионально-ци-визационную) историю, воспринимаемую одновременно в научном и в идеолого-пропагандистском контекстах.

М.Г. Смирнова, д-р юрид. наук, проф. (г. Санкт-Петербург), отметила, что правовой эксперимент является т.н. пробным правовым регулированием, в котором получают свое выражение насыщенные социальные притязания субъектов. При положительных результатах правового эксперимента социальные притязания индивидов и групповых субъектов получают свое закрепление в постоянной правовой форме, такой как нормативный правовой акт (законах и подзаконных правовых актах). Основой правового эксперимента являются социальные притязания субъектов, требующие своего закрепления в праве. Динамика общественных отношений, постоянный рост социальных притязаний в результате правового эксперимента позволяют выделить именно те, которые нуждаются в своем правовом опосредовании, и создать соответствующий механизм (посредством экспериментальной правовой нормы) их регламентации и защиты.

В.А. Толстик, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ (г. Н. Новгород), представил доклад на тему «Правовой эксперимент по оптимизации образовательных программ: целевое, организационное и технико-юридическое обоснование», в котором предпринял попытку внести определенность в понимание целого ряда спорных, неоднозначно трактуемых в юридической литературе вопросов, касающихся объема, содержания и имени понятия «правовой эксперимент». Определено ближайшее родовое понятие, сформулирована цель, произведена дифференциация правовых экспериментов от любых иных, аргументирована относимость признака «ограниченный масштаб проведения» лишь к одной из разновидностей анализируемого явления — правотворческому эксперименту, обоснован ответ на вопрос: «Все ли нормы права следует подвергать экспериментированию?».

На основе анализа состояния и эффективности действующего правового регулирования в области образовательных отношений (на примере высшего юридического образования) сделан вывод об их чрезмерной забюрократизированности, влекущей целый ряд негативных следствий, и представлено целевое, организационное и технико-юридическое обоснование необходимости проведения правотворческого эксперимента по оптимизации образовательных программ.

В.Ю. Туранин, д-р юрид. наук, проф. (г. Белгород), обратил внимание на риски и возможности обезличивания персональных данных как правового эксперимента. Он указал, что в настоящее время в рамках применения механизма экспериментального правового режима происходит поэтапное внедрение технологий по обезличиванию персональных данных. Востребованность такого процесса связана со все возрастающей необходимостью обработки больших объемов информации в самых различных областях — медицине, финансах и т.д. Немалую роль здесь играет и развитие цифровых технологий, внедрение искусственно-го интеллекта.

В целом обеспечение приватности и безопасности личной информации — достаточно эффективный инструмент для ее защиты. Обезличивание персональных данных

связано с осуществлением совокупности действий, в результате которых становится невозможным без использования дополнительных источников определить их принадлежность конкретному субъекту. Однако крайне важно учитывать и риски, обусловленные потенциальными возможностями неправомерного доступа к соответствующим сведениям о субъектах при формировании государственной информационной системы (ГИС), в которую по требованию Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ теперь операторы персональных данных должны будут представлять их в обезличенном виде.

Е.В. Калинина, д-р юрид. наук, доц. (г. Н. Новгород), разделяя точку зрения о допустимости эксперимента в социогуманитарных науках, предложила на обсуждение пример религиозных коммунитарных экспериментов. Они были основаны на определенной концепции. Цель (пусть и утопичная) состояла в построении оптимальной модели общества. Устав общины определял порядок вступления в нее, распорядок жизни ее членов; закреплял разделение труда и осуществление воспитательной функции отшельнического сообщества. Кроме того, условия реализации данных «проектов» были строго регламентированы, а продолжительность существования таких общин позволяла проследить динамику и эффективность выполнения поставленных задач. Так что результаты подобных экспериментов вполне поддавались «измерению».

С.Э. Либанова, д-р юрид. наук, доц. (г. Екатеринбург), показала сходство и провела различие между правовым и естественнонаучным экспериментами. Определив эксперимент как процедуру, выполняемую для поддержки, опровержения или подтверждения гипотезы или теории в результате сравнительного анализа, она пришла к выводу о том, что при проведении глубокой и всесторонней оценки естественного эксперимента как наблюдения за естественными процессами жизнедеятельности, подвергающимися изменению в результате необдуманного политического вмешательства, без учета этноса и национальных особенностей, базирующихся на кросскультурных ценностях, правовой эксперимент уже не требуется.

Законодатель для эффективного правового регулирования необходимо знать все стороны проблемы изнутри. Следовательно, неоспоримое преимущество естественных экспериментов состоит в том, что они предоставляют данные из реальных событий, являющихся неопровержимыми доказательствами того, что реально произошло, а не гипотезы о том, что может произойти.

Н.В. Макарейко, д-р юрид. наук, доц. (г. Н. Новгород), акцентировал внимание на высокоактуальном фрагменте правовой действительности — функциональной характеристике правового эксперимента. В специальной литературе уделяется недостаточное внимание освещению функций правового эксперимента. При этом традиционно выделяется ограниченный перечень функций, что не в полной степени отвечает правовой действительности, искажает представление о данном правовом явлении. В этой связи были выделены и рассмотрены гносеологическая, преобразовательная, прогностическая, оценочная, воспитательная и коммуникационная функции. Отмечена их высокая динамика, взаимодействие и органическое сочетание, что предопределено необходимостью решения задач, которые стоят перед правовым экспериментом.

С.Б. Поляков, д-р юрид. наук, доц. (г. Пермь), в своем сообщении, признавая правовой эксперимент как одно из средств подготовки качественных нормативных

правовых актов, отметил необходимость ограничений в его использовании. Особое внимание обращено на то, что мода на экспериментальные правовые режимы угрожает созданием и продвижением малопродуманных технических решений. Вместо ориентации IT-специалистов на создание программ в целях закона и в соответствии с ним Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» предусматривается исключение юридических запретов и обязанностей с целью продвижения компьютерных программ. Воля законодателя заменяется волей разработчиков компьютерных программ.

А.Г. Репьев, д-р юрид. наук, доц. (г. Москва), предпринял попытку привлечь внимание научной общественности к осмыслению значения взглядов проф. И.Н. Сенякина на тенденции специализации законодательства, в числе которых особое место занимает экспериментальное правовое регулирование. Преследуя цель продемонстрировать научный вклад И.Н. Сенякина в обоснование процессов дифференциации в праве, А.Г. Репьевым был выдвинут тезис о том, что И.Н. Сенякин в числе первых привлек внимание научной юридической общественности к такой разновидности специальной правовой нормы, как экспериментальная. В ходе выступления аргументировано значение экспериментального правового предписания в рамках повышения качества регламентации общественных отношений. Сделан вывод о необходимости углубления знаний об особенностях, принципах конструирования экспериментальной правовой нормы, в том числе для последующего изучения закономерностей полноценного механизма экспериментального правового регулирования.

А.В. Скоробогатов, д-р ист. наук, доц. (г. Казань), и **А.В. Краснов, канд. юрид. наук, доц. (г. Казань)**, сфокусировали внимание на дуальной природе сущности правового эксперимента. С одной стороны, он является частно-правовым методом исследования, а с другой — может быть рассмотрен как специфическое средство правового регулирования. Однако отделить одно значение от другого возможно лишь аналитическим путем. В реальности правовой эксперимент должен проводиться в симбиозе исследователя и практика либо практик. Уполномоченный на участие в правовом эксперименте одновременно должен обладать качествами и (или) квалификацией представителя науки.

В определенной степени правовой эксперимент смыкается с моделированием, так как первоначально предполагает конструирование умозрительной модели правового регулирования. Однако по мере ее применения к реальным отношениям может возникнуть опасность непредсказуемости последствий и новых попутных факторов регулирования, поэтому воспроизводимость, процессуальность и инновационность правового эксперимента не всегда способны к корректному сочетанию. Именно это обуславливает необходимость усиления научной составляющей на всех этапах проведения эксперимента.

Ф.С. Сосенков, д-р юрид. наук, доц. (г. Н. Новгород), проанализировал роль Народного комиссариата национальностей в конструировании России как федерации по национальному принципу. Организационная составляющая эксперимента, связанного с формированием советского федерализма, выражалась не только в образовании новых субъектов, но и в создании государственного органа, который был призван осуществлять и организационные, и контрольно-надзорные, и регулирующие функции в области национальной политики Советского государства.

Прослеживается перевод права наций на самоопределение из идеологической плоскости в административно-политическую. В практическом плане это выразилось в самоопределении тех или иных этнических групп в рамках территориальных единиц. На основе архивных материалов рассмотрена национальная политика в отношении автономии немцев Поволжья. Автор приходит к выводу, что деятельность Народного комиссариата национальностей РСФСР во многом подготовила образование СССР. Обе советские федерации — РСФСР и СССР — носили беспрецедентный характер и представляли собой грандиозный политико-правовой эксперимент в области государственного строительства.

В.В. Трофимов, д-р юрид. наук, доц. (г. Тамбов), привлек внимание к ресурсу совместной деятельности официальной власти и общественных структур в правотворческой сфере, использование которого в политической и правотворческой практике должно быть системным, а не единичным («экспериментальным»), так как на основе сотрудничества между данными политико-правовыми акторами может создаваться правовая форма, отвечающая требованиям и задачам государства, с одной стороны, и потребностям и интересам общества — с другой. В этом качестве формируемое объективное право будет способно более эффективно решать вопросы организации и развития государственно-правовой системы страны, а значит, в полной мере выполнять свои общерегулятивные и охранительные функции. Докладчиком предложено для рассмотрения определение понятия правового сотворчества публичной власти и гражданского общества, обозначены формы правосотворческой деятельности в структуре политико-правовой системы Российского государства.

О.Д. Третьякова, д-р юрид. наук, доц. (г. Владимир), обратилась к дидактической проблеме экспериментирования в юридическом образовании. В последние 10–20 лет юридическое образование развивается в условиях длящегося эксперимента. В рамках экспериментальных процессов в юридическом образовании предлагаются к рассмотрению практика и результаты двух правовых экспериментов по организации юридического образования во Владимирском государственном университете. Во-первых, эксперимент по интеграции среднего профессионального образования в систему высшего юридического образования (юридический колледж был включен в структуру Юридического института ВлГУ). Во-вторых, эксперимент по созданию в Юридическом институте ВлГУ кафедры судебной деятельности на базе Владимирского областного суда. О.Д. Третьякова обрисовала предложения по совершенствованию нормативного регулирования организации правовых экспериментов в сфере юридического образования.

А.М. Хужин, д-р юрид. наук, доц. (г. Н. Новгород), и **М.В. Карпычев, канд. юрид. наук, доц. (г. Н. Новгород)**, сообщили о результатах исследования, проведенного по вопросам применения правового эксперимента в цивилистическом процессе. Вопрос о правовом эксперименте в цивилистическом процессе, по мнению исследователей, следует рассматривать в двух значениях: 1) как средство проверки эффективности потенциальных предложений по совершенствованию процессуального законодательства и практики его применения. Такие эксперименты неоднократно проводились с различной степенью успешности (эксперимент с введением института арбитражных заседателей, эксперименты с внедрением информационных технологий), в том числе без официального объявления об этом; 2) как средство получения доказательственной информации в рамках

отдельного дела, рассматриваемого судом. В отличие от уголовного процесса гражданский и арбитражный процессы не предусматривают возможность такого процессуального действия, как судебный (следственный) эксперимент, но на практике экспериментальные исследования проводятся в рамках проведения осмотра и экспертного исследования.

К.Б. Лазорин, член правления Федеральной нотариальной палаты (г. Н. Новгород), проанализировал актуальные нормативные правовые акты, носящие нетипичный характер, как предметно-объектную область научного исследования и прикладного аналитического материала при проведении правовых экспериментов. Особый акцент был сделан на нетипичные нормативные правовые акты, разрабатываемые и применяемые в процессе экспериментальной деятельности государства в различных сферах общественных отношений.

П.В. Васильев, канд. юрид. наук, доц. (г. Ульяновск), представил доклад о проблеме добровольного согласия лица на участие в правовом эксперименте.

Были сделаны основные выводы: 1) в рамках демократических и гуманистических политико-правовых ценностей участие лица в проведении правового эксперимента должно быть добровольным, что предполагает возможность избежать участия в экспериментальных правовых отношениях без ухудшения своего правового положения; 2) субъектам комплексных, т.е. правотворческо-правореализационных экспериментов, следует либо принимать и вводить в действие только те экспериментальные правовые нормы, действие которых предполагает возможность лиц, не желающих участвовать в экспериментальном правовом регулировании, избежать соответствующих правовых последствий, либо создавать механизмы нераспространения на таких лиц экспериментальных правовых норм.

Е.С. Зайцева, канд. ист. наук, доц. (г. Санкт-Петербург), отметила, что правотворческий эксперимент можно рассматривать как одну из правотворческих технологий установления пределов правового регулирования. Социально-правовой характер правотворческого эксперимента определяется особенностями его объекта, в качестве которого одновременно выступают и общественные отношения, и экспериментальные нормы права. Эксперимент должен показать соответствие предлагаемых правовых норм состоянию регулируемых общественных отношений. Существуют три самостоятельных условия, обуславливающих потребность проведения правотворческого эксперимента. Первое, когда эксперимент проводится для определения оптимального варианта правового регулирования новых общественных отношений. Второе, когда эксперимент проводится для введения нового регулирования, выступающего альтернативным по отношению к уже существующему. Третье, когда эксперимент проводится с конкретной целью отказа от какого-либо правового регулирования. Во всех трех случаях правотворческий эксперимент дает возможность оценить критерии и показатели установления пределов правового регулирования.

О.В. Костюнина, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск), осветила актуальные вопросы экспериментального правового регулирования как «территории взаимного кредита доверия» между субъектами, прежде всего государством и иными участниками правового эксперимента. Она заметила, что введение экспериментального правового регулирования реструктуризирует общий порядок правового регулирования и смещает риски доверия из области субъективного

компонента в сферу объективных условий. Экспериментальное правовое регулирование — это специфический вид правового регулирования, позволяющий в том числе блокировать действие общего правового регулирования с целью внедрения правового эксперимента на условиях, установленных экспериментальной правовой нормой. Экспериментальное правовое регулирование и доверие в праве связаны через три ключевых категории: ожидание, риск и неопределенность. Однако познание сущности и природы доверия в экспериментальном правовом регулировании неизбежно требует имплементации научного опыта из экономической, психологической и философской наук.

А.Е. Михайлов, канд. юрид. наук, доц. (г. Черкесск), проанализировал спорные проблемы и особенности реализации правового эксперимента медиативной техники. Он отметил, что с момента принятия в 2010 г. Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» медиация в России не получила должного распространения и востребованности. Медиация — не просто способ решения конфликта, это еще и метод для понимания людей и причин, приведших к межличностному конфликту. А.Е. Михайлов также подробно рассказал о разрабатываемых изменениях в действующее законодательство России поэтапного применения медиативной техники, способствующей расширению возможностей выявления и урегулирования конфликтов. Идеи ученого нашли живой интерес и отклик у участников Форума.

А.В. Парфенов, канд. юрид. наук, доц. (г. Н. Новгород), в своем выступлении обратил внимание на следующее: «Партнерские начала в отношениях государства и индивида предполагают их совместную деятельность и помощь друг другу в самых различных областях. Одним из любопытных векторов их взаимодействия является сотрудничество в области создания альтернативных механизмов разрешения споров. Внедрение подобных феноменов в сферу юридической практики предполагает соответствующее изменение, дополнение действующего законодательства. Оперативно разработать высококачественную нормативную основу для использования процедур альтернативного разрешения споров в России в начале 90-х годов XX века было затруднительно ввиду дефицита времени и отсутствия должного представления о них. В этих условиях вполне логичным и оправданным представлялось обращение к зарубежному правовому опыту использования процедур альтернативного разрешения споров. Выводы западных исследователей были использованы как основа для формирования отечественной теории альтернативного разрешения споров, выступили ориентиром для развития ряда областей российского законодательства».

Е.В. Перепелица, канд. юрид. наук, доц. (Республика Беларусь), посвятила свое выступление условиям допустимости правового экспериментирования в области интеграции технологий искусственного интеллекта в нормотворчество. В частности, было отмечено наличие парадокса в самом желании улучшить нормотворчество с помощью разрушительной инновации, несущей заведомую угрозу «испарения» человека из юридических процессов.

А.Р. Лаврентьев, канд. юрид. наук, доц. (г. Н. Новгород), экстраполировал тему правовых экспериментов на область противодействия коррупции. Он предложил подвергнуть критическому анализу эффективность применяемых в современной России мер противодействия коррупции и отказаться от некоторых из них, не оправдавших себя. К числу

неудачных экспериментов он отнес: «сплошное» декларирование доходов, расходов, имущества и обязательств имущественного характера публичными должностными лицами; институт независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, интернет-ресурс «Российская общественная инициатива».

Е.А. Петрова, канд. юрид. наук, доц. (г. Иваново), отметила, что правотворческий эксперимент как юридико-техническое средство следует использовать в весьма ограниченных пределах с соблюдением жестких требований к его содержанию, целям, субъектам и т.д. Результатом подобных экспериментов выступают экспериментальные нормы, оформленные в виде специального нормативного правового акта. Данные акты могут быть экспериментальными как по своему названию, так и по своей сути (когда вводится новый механизм или сфера правового регулирования). Основными рисками правотворческих экспериментов являются: отсутствие четких критериев оценки их юридических последствий, недостижение желаемого результата при существенных организационных и материальных затратах. Соответственно, правовой эксперимент как юридико-техническое средство целесообразнее применять в сфере реализации права, а не правотворчества.

А.В. Червяковский, канд. юрид. наук, доц. (г. Омск), проанализировал ряд мысленных экспериментов, получивших широкое распространение в работах современных западных ученых-философов и теоретиков права. Исследователь разделил их на две группы. С помощью первой группы ученые (Дж. Роулз, М. Сэндел, Л. Фуллер) предлагают небольшие вымышленные или реальные ситуации, с помощью которых ставятся вопросы соответствия права, морали и справедливости. Вторая группа мысленных экспериментов, содержащихся в работах С. Шапино, Г. Харта и Л. Фуллера, представляет собой конструирование правовых порядков и направлена прежде всего на выстраивание аргументов в пользу обоснования выработанных указанными учеными подходов к пониманию права.

И.В. Погодина, канд. юрид. наук, доц. (г. Владимир), указала, что для сферы электронного взаимодействия органов власти с населением характерна слабость нормативного регулирования, которое, несомненно, требуется. Одна из проблем данной области заключается в том, что необходимо обеспечить защиту свободы выражения мнений и доступа к информации, но предотвратить распространение вредного контента. От платформ требуется комплекс мер по уважению прав человека при модерации, прозрачность политики и мер реагирования на публикации и размещенные материалы. Сделан вывод о том, что в рассматриваемой сфере надо искать баланс государственного регулирования и саморегулирования частными компаниями. Предлагается применить экспериментальное регулирование электронного взаимодействия власти и общества в виде «регуляторных песочниц», поскольку при трудностях регулирования данной сферы и ее зависимости от технологий без эксперимента трудно определить — работает решение или нет. Протестировав такой формат в работе отдельных площадок (например, в ВКонтakte), его можно будет распространить на всю сферу. Приведены позиции, которые следует учитывать при проектировании нормативных актов для данной сферы.

А.В. Капустина (Сапун) (г. Санкт-Петербург) осмыслила правовой эксперимент как средство институционализации групповых интересов в праве. При помощи временно-правового регулирования происходит фактически апробация их закрепления в соответствующих формах права,

а также выработка надежного механизма обеспечения и реализации в жизнь.

Ю.В. Токарева (г. Н. Новгород) обрисовала природу государственного реестра как предмет политико-правового экспериментирования. Государственный реестр выступает не только как механизм учета и контроля, но и как объект для испытания и внедрения инновационных правовых решений и различных пилотных проектов. Государственный реестр может применяться как в качестве площадки для эксперимента, так и быть предметом самого эксперимента. В некоторых странах проведены успешные эксперименты, связанные с ведением государственных реестров².

Частноправовые (цивилистические) аспекты экспериментирования заняли особое место в силу нацеленности на защиту личных прав и свобод граждан, охранно-законной деятельности предпринимателей, корпораций, фирм.

И.И. Андриановская, д-р юрид. наук, доц. (г. Москва), проанализировала роль эксперимента в правовом регулировании труда. Оценены результаты отдельных экспериментов, проводимых в сфере правового регулирования труда. В результате одного эксперимента, проведенного в целях повышения эффективности использования рабочего времени, в Трудовой кодекс РФ были введены нормы о режиме гибкого рабочего времени (ст. 102). В результате второго эксперимента по работе дистанционно (в удаленном доступе), носившего стихийный характер, осуществленного в экстраординарных обстоятельствах (в условиях пандемии), были внесены изменения в гл. 49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников» ТК РФ. Обращено внимание на проводимые в ряде стран эксперименты по внедрению в практику применения труда режима четырехдневной рабочей недели (Германия, Исландия, Испания). Дана правовая оценка возможности введения режима четырехдневной рабочей недели в России. Сформулирован вывод об итогах экспериментов (планового и непланового характера), направленных на предполагаемое (прогнозируемое) и непредполагаемое (непрогнозируемое) обновление норм трудового права.

Уголовно-правовая сфера как наиболее опасная и сложная область экспериментирования оказалась востребованной не только учеными, но и практикующими юристами.

Б.Я. Гаврилов, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ (г. Москва), подверг анализу эксперименты в уголовном судопроизводстве. Он отметил, что в вопросе адаптации действующей правовой системы к глобальным вызовам современности оптимальным вариантом является эксперимент. Успешной реализацией одного из таких правовых экспериментов следует признать включение в Уголовно-процессуальный кодекс РФ 2001 г. проверки показаний на месте в качестве самостоятельного следственного действия, широко применявшегося в следственной практике. Благодаря работам советских ученых С.С. Степичева, А.Н. Васильева³, которыми было раскрыто его доказательственное значение, описан порядок осуществления и требования к процессуальному оформлению, а также предложены конкретные рекомендации по проведению данного следственного действия. Таким

² Например, в Эстонии была проведена масштабная цифровизация реестров, что позволило значительно упростить доступ к получению информации и сократить время на поиск и оформление различных документов.

³ См.: Васильев А.Н., Степичев С.С. Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений. М., 1959. С. 19, 27–30.

образом, правовое регулирование проверки показаний на месте (ст. 194 УПК РФ) как самостоятельного следственного действия позволило в определенном смысле «легализовать» обширную следственную практику. Данная экспериментальная новелла, внедрение которой в действующий уголовно-процессуальный закон заняло более 50 лет, полностью оправдала себя и может быть признана успешной.

Удачным правовым экспериментом надлежит признать исключение из Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г. института привлечения лица в качестве обвиняемого при производстве предварительного расследования в форме дознания, о чем свидетельствует направление в суд около 5 млн уголовных дел, по которым было обеспечено право осужденных на защиту от обвинения⁴. Его результаты позволяют с учетом положений Устава уголовного судопроизводства 1864 г. ставить вопрос об исключении института привлечения в качестве обвиняемого и при расследовании преступлений в форме предварительного следствия.

В то же время необходимо указать и на некоторые неудачные правовые эксперименты в уголовном судопроизводстве. Одним из них является введение в Уголовно-процессуальный кодекс РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ процедуры сокращенного дознания, которое сегодня, по истечении 10 лет действия УПК РФ, фактически мало чем отличается от процессуального порядка производства дознания в общем порядке, поскольку анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что «содержание» уголовных дел и их объем идентичен материалам расследования в форме обычного дознания и даже превышает его.

А.П. Кузнецов, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ (г. Н. Новгород), в своем выступлении уделил особое внимание внешнеэкономическим процессам, которые приобретают все большее значение в функционировании любого цивилизованного государства. С учетом происходящих в стране и мире событий отношения в сфере внешнеэкономической деятельности представляют особое значение для Российской Федерации. Обеспечение их безопасности становится приоритетной задачей государства. Для ее решения необходимо в первую очередь сформировать эффективный правовой механизм регулирования, в структуру которого входит также и уголовно-правовой элемент. Именно его исследование позволило автору обратить внимание на применение новых способов его построения, к числу таковых отнесен правовой эксперимент. В связи с этим предпринята попытка определения места эксперимента в системе уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности.

И.М. Мацкевич, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ (г. Москва), обратился к рассмотрению специфики и сущностных основ эксперимента через призму криминологии. Криминология возникла и развивалась прежде всего как наука, гипотезы которой возникали, а потом доказывались и опровергались путем различных экспериментов. Достаточно вспомнить исследования Чезаре Ломброзо, который изучил тысячи черепов умерших преступников и вполне законопослушных граждан, провел непосредственное наблюдение за живыми преступниками, отбывавшими наказания в тюрьмах, в том числе осужденных за наиболее тяжкие

преступления (убийства), после чего представил на суд ученых и общественности свою теорию о прирожденном преступнике. В конце XIX в. теория Ломброзо произвела настоящий фурор сначала в Европе, а потом во всем мире. Не менее интересны и, увы, по достоинству до сих пор не оценены результаты экспериментов криминологических кабинетов, сеть которых спонтанно покрыла молодую Советскую республику, а затем и Советский Союз в 1920-е годы, когда исследования проводились на основании междисциплинарных (как сейчас сказали бы) подходов при совместном изучении преступности и преступников того времени представителями медицинских наук (прежде всего психиатров), ученых-юристов (криминологов), юристов-практиков (сыщиков), экономистов, социологов, обладателей навыков работы со статистической информацией (статистиков). В дальнейшем, к сожалению, во многом из-за идеологических приоритетов криминология в СССР все больше становилась наукой исключительно теоретической. Известны и до сих пор широко обсуждаются (как и теория прирожденного преступника Ломброзо) стэнфордский эксперимент и эксперимент Стэнли Милгрэма.

Во времена глобальных перемен интерес к экспериментам снова возвращается. В советский период социальные эксперименты над людьми были официально запрещены, хотя «втихую» все равно проводились. В настоящее время, по мнению И.М. Мацкевича, с учетом цифровых технологий эксперименты в криминологии должны быть достаточно широко распространены. Этому в значительной степени способствуют возможности компьютерного моделирования, прогностических оценок по разному поводу (прогноз преступности, прогноз противоправного поведения в целом и по регионам, прогноз рецидива и т.п.), использования и обработки огромного числа информации, в том числе с применением нейросетей, что часто называют совершенно необоснованно искусственным интеллектом. Естественно, новые условия экспериментов рождают новые вопросы и проблемы. Некоторые из них заключаются в следующем: а) кто и как будет определять границы экспериментов (одному исследователю это не под силу); б) как проверить результаты экспериментов, построенных на основе цифровых технологий (нельзя их проверить или опровергнуть с помощью той же самой технологии); в) как избежать манипуляций при проведении экспериментов, большая часть которых станет проводиться под контролем компьютера, а не человека; г) следует ли возродить социальные эксперименты; д) кто будет принимать решение о том, как использовать результаты экспериментов.

Таким образом, будущее за экспериментами. Криминологам следует не опоздать, во-первых, с осознанием этого будущего и, во-вторых, с разработкой методики проведения таких экспериментов. Пока что не видно серьезных разработок в этом направлении.

С.Ф. Милоков, д-р юрид. наук, проф. (г. Санкт-Петербург), обратился к криминологической экспериментальной составляющей острых современных политико-правовых процессов, отметил, что начавшиеся 10 лет назад в Донбассе вооруженные столкновения с пронацистскими формированиями, переросшие 24 февраля 2022 г. в широкомасштабные боевые действия, к сожалению, до сих пор находятся на периферии внимания российских криминологов и правоведов. Достаточно сказать, что до сих пор не проведено ни одного (!) общероссийского юридического форума, посвященного военно-юридической проблематике.

⁴ См.: Гаврилов Б.Я., Красильников А.В. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого: соответствует ли он реалиям сегодняшнего дня? // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68). С. 88–96.

Между тем в гражданском обществе обозначенные проблемы вызывают живой интерес. В частности, дискутируется вопрос о допустимости привлечения подсудимых, подсудимых и осужденных к участию в непосредственном вооруженном противостоянии и обеспечении боевых действий в ближнем тылу. Законодатель пытается регламентировать эти процессы, но в целом, как представляется, неудачно. В частности, необоснованно запрещается освобождать от уголовной ответственности и наказания лиц, участвовавших в особо тяжких преступлениях.

Поэтому желательно в порядке эксперимента освободить наиболее опасных преступников разовым законом и направить на наиболее опасные участки фронта до окончания СВО. А по результатам боевой деятельности уже окончательно решить их процессуальную судьбу. При этом надо широко использовать богатый опыт функционирования штрафных рот и батальонов в период Великой Отечественной войны.

К.А. Плясов, д-р юрид. наук, доц. (г. Н. Новгород), рассмотрел правовой эксперимент как инструмент уголовного правового противодействия преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности. Складывающиеся на сегодняшний день социально-политические процессы напрямую влияют на состояние экономики государства, в том числе ее внешнеэкономические аспекты. Внешнеэкономическая деятельность подверглась серьезным изменениям, которые обусловлены множеством политических факторов, к числу которых следует отнести санкции, введенные против России, противоправные проявления со стороны организаций, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации, участие в специальной военной операции. Именно поэтому в Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года уделяется особое внимание именно отношениям в сфере внешней экономики. При этом в целях укрепления экономики государства требуется прежде всего грамотное законодательное регулирование, позволяющее в точном соответствии с законом обеспечивать охрану наиболее важных отношений. Автор полагает, что в качестве одного из инструментов уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности можно определить правовой эксперимент, а потому предлагает возможность его реализации в исследуемой сфере.

А.А. Тарасов, д-р юрид. наук, проф. (г. Уфа), и А.Р. Шарипова, д-р юрид. наук, доц. (г. Уфа), остановились на эксперименте как условии успешных реформ в судопроизводстве. Экспериментальная проверка жизнеспособности отдельных реформаторских идей — это необходимое условие успешности любых преобразований в судебной деятельности. Под экспериментом в этом контексте понимается предварительное внедрение в практику тех законодательных положений и организационных решений в правоприменительной практике, которые впоследствии предполагается внедрить в судопроизводство любой отраслевой принадлежности. Постоянное межотраслевое взаимодействие в процессуальных отраслях права определяет необходимость заранее ориентировать какую-то часть проводимых экспериментов в одной отрасли правосудия и на потребности других его отраслей тоже.

Анализ одного из самых масштабных экспериментов отечественной судебной-правовой реформы конца XX — начала XXI в. — предварительное введение суда присяжных только в девяти российских регионах наглядно продемонстрировал

свою эффективность. Этот эксперимент позволил реально оценить трудности возрождения суда присяжных в современной России, подготовить почву для оптимизации нормативно-правового регулирования в готовящемся тогда новом Уголовно-процессуальном кодексе РФ 2001 г., отказаться от некоторых процессуальных институтов (например, признания подсудимого «заслуживающим особого снисхождения») и от отдельных правоприменительных решений, допускавшихся по закону, но в реальности показавших свою нежизнеспособность (постановка перед присяжными единственного вопроса о виновности). Потребность в предварительной экспериментальной проверке в ограниченных масштабах отдельных процессуальных новелл сохраняется до сих пор. В ней нуждались и введение тотального аудиопотоколирования судебных разбирательств в соотношении с письменным протоколом судебного заседания, перевод суда с участием присяжных заседателей на уровень районного суда судебной системы, выявление оптимального соотношения властных полномочий прокуроров, органов расследования и их ведомственных руководителей в досудебном производстве по уголовным делам.

Неизбежные издержки от проведения таких экспериментов в ходе реформ, как правило, существенно ниже цены ошибок и их исправления в случае внедрения каких-то процедурных новшеств в практику всей страны без предварительной проверки этих новшеств «в малой серии».

А.В. Кисляков, канд. юрид. наук, доц. (г. Владимир), оценил действующий механизм исправления осужденных к лишению свободы, страдающих социально значимыми заболеваниями (в том числе психическими расстройствами, не исключающими вменяемости). Требуется проведение эксперимента (создание правовых и организационных условий), позволяющего учитывать в периоды до и после отбывания наказания ряд факторов (вид и степень опасности психического расстройства, комплексный подход применения основных средств исправления, организацию медицинского, психологического и социального обслуживания в постпенитенциарный период). По мнению А.В. Кислякова, эксперимент целесообразно провести на базе территориального органа ФСИН России. Результаты помогут повысить эффективность профилактической работы с указанной категорией лиц, снизить повторную преступность, сделать жизнь нашего общества более безопасной.

А.А. Никифорова, канд. юрид. наук, доц. (г. Н. Новгород), отметила, что внешнеэкономические процессы приобретают все большее значение в функционировании любого цивилизованного государства. С учетом происходящих в стране и мире событий отношения в сфере внешнеэкономической деятельности представляют особое значение для Российской Федерации. Обеспечение их безопасности становится приоритетной задачей государства. Для ее решения необходимо в первую очередь сформировать эффективный правовой механизм регулирования, в структуру которого входит также и уголовно-правовой элемент. Именно его исследование позволило автору обратить внимание на применение новых способов его построения, к числу таковых отнесен правовой эксперимент. В связи с этим предпринята попытка определения места эксперимента в системе уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности.

Е.Е. Черных, канд. юрид. наук, доц. (г. Н. Новгород), назвала и проанализировала правовые риски при осуществлении цифрового эксперимента в медицине. Раскрыла потенциал цифровизации здравоохранения. Указала, что

использование цифровой медицины не лишено многочисленных рисков возникновения серьезных неблагоприятных последствий. Рисковыми факторами выступают: ненадлежащее юридическое дефинирование основных элементов медицинского цифрового экспериментирования; неопределенность гражданско-правового статуса цифровой медицины; мировоззренческий и инновационно-технологический нигилизм по отношению к нетрадиционным экспериментальным медицинским методам.

М.В. Складенко (г. Москва), будучи советником Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, охарактеризовала эксперимент в правовом регулировании процессов обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве. Мировая юридическая наука не выработала универсального регламента процесса обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном процессе. При таких обстоятельствах российский законодатель, формируя анализируемую систему, чтобы добиться желаемого обществом результата, в 2018–2024 гг. был вынужден прибегнуть к длинной череде экспериментов в правовом регулировании. Социально значимый результат: 2018 г. — создание системы экстерриториальных апелляционных и кассационных судов; 2018–2024 гг. — постепенная оптимизация их процессуальной деятельности.

А.В. Федулов, канд. юрид. наук, доц. (г. Н. Новгород), отметил, что дискуссия о том, насколько результаты правовых экспериментов позволяют выявить способы преобразования общественных отношений, все больше приобретает социально-политический характер. Это обуславливает необходимость более глубокого уяснения сущностных и содержательных признаков этого вида социального эксперимента. Социальные эксперименты в зависимости от инициировавшего их субъекта могут быть классифицированы на общественно-политические и государственно-политические.

Инициатива в проведении общественно-политических экспериментов принадлежит коммерческим и некоммерческим организациям. Эта разновидность социальных экспериментов направлена на улучшение общественных отношений в рамках действующего законодательства.

Инициатором государственно-политических экспериментов выступает легитимная власть. Конкретный административный состав определяется ее уровнем, на котором они инициированы. Основная цель этого вида эксперимента — проверка возможности качественно нового регулирования общественных отношений посредством введения локального правового режима на определенной территории или в обособленной социальной группе. Одно из ключевых условий — наличие правового режима, включающего программу эксперимента, регламентацию отношений между субъектами и процедуру подведения его итогов. Только в этом случае государственно-политический эксперимент может быть назван правовым экспериментом. Иначе — административная (управленческая) реакция на кризис общественных отношений.

Публично-правовая сфера, являясь остро политическим феноменом, как предмет экспериментирования привлекала внимание значительного числа участников Форума.

Н.А. Колоколов, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва), критически проанализировал эксперимент в правовом регулировании судебной деятельности. Суд с давних пор рекомендовал себя в качестве эффективного средства разрешения разного рода экономических и социальных конфликтов на основе общепризнанных принципов права. Сам факт перенесения

спора из сферы классических административных отношений в суд — свидетельство того, что имеющегося в распоряжении сторон правового потенциала для урегулирования конкретного конфликта во внесудебном порядке явно не хватает. При таких обстоятельствах суды, выявив пробелы как в писанных законах, так и в праве в целом, чтобы оправдать ожидания общества, в соответствии со свойственной им природой вынуждены смело идти на эксперимент в правоприменении, результатом чего является судебный прецедент (правовая позиция). Реальные успехи таких экспериментов в рамках англосаксонской правовой системы — фактически законы прямого действия, в рамках европейской правовой системы — правовые позиции, которые, как правило, вскоре переключиваются в нормы позитивного права.

В.В. Комарова, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва), неординарно выявила связь правового эксперимента и приоритета в механизме реализации конституционных предписаний. В процессе конституционной реформы 2020 года на конституционный уровень вынесен термин «приоритет», прямо закреплены важнейший приоритет государственной политики — дети; приоритет семейного воспитания; приоритетные направления социально-экономического развития государства. Правовые эксперименты предшествовали конституционализации приоритетов в узком смысле и должны способствовать ей и в широком смысле — инкорпорированию новелл в отраслевое законодательство и реализации в правоприменении.

Памятью о конституционном закреплении доверия государства и общества, о необходимости единства правового пространства, для предотвращения возможных рисков, как полагает В.В. Комарова, целесообразно принятие единого акта, закрепляющего рамки правового эксперимента, например в виде федерального закона. Основу его может составлять базовая модель правового эксперимента (перечень сфер применения правового эксперимента; перечень субъектов и процедуры принятия решения о проведении эксперимента; сроки его проведения и критерии оценивания результатов), непременно включающая в процедуры определения необходимости его проведения, подведения итогов заинтересованных лиц — жителей территории проведения правового эксперимента.

И.В. Понкин, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва), обратился к экспериментальному применению новейших цифровых технологий в продвинуто-интенсивном преподавании правовой аналитики, подчеркнул значение таких цифровых технологий и показал ряд приоритетных направлений в их задействовании.

А.В. Кротов, д-р юрид. наук (г. Н. Новгород), охарактеризовал временные конституции как особый экспериментальный политико-правовой инструмент. Сформулировал гипотезу о следующей типологизации временных конституций: тоталитарная временная конституция и временная параконституция. Перечисленные типы временных конституций как особый политико-правовой инструмент представляют правящей группе возможность «маневра», при этом оказывая негативное влияние на правовую систему, активизируя социальную напряженность и пр. Положения таких конституций нельзя рассматривать в качестве «подлинной» конституции, соответственно, отсутствует необходимость соблюдения специального порядка (особой формализованной процедуры) для отмены положений указанных типов конституции.

В.Н. Власенко, канд. юрид. наук, доц. (г. Москва), осветил перспективы и проблемные аспекты реализации

Федеральных законов «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» и «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха». Констатируется, что условием проведения экспериментов (зачастую крайне затратных способов проверки правовых гипотез) должно быть наличие продуманного и обеспеченного механизма гарантий возмещения возможного ущерба физическим и юридическим лицам или окружающей среде.

А.В. Пчелкин, канд. юрид. наук, доц. (г. Н. Новгород), творчески оценил использование эксперимента в механизме противодействия незаконному обороту промышленной продукции. Выступающим отмечено, что действующий в течение восьми лет механизм внедрения обязательной маркировки отдельных видов промышленной продукции предусматривает в качестве инструмента поэтапной его реализации проведение добровольного эксперимента по маркировке товаров. В целом одобряя данный инструмент, он обратил внимание на отдельные недостатки организационно-правового обеспечения. Необходимо внедрить единую методику расчета ключевых показателей, на основе которых следует проводить предварительную оценку целесообразности внедрения обязательной маркировки. Окончательная оценка такой целесообразности должна осуществляться на этапе проведения эксперимента. Рассчитанные на предварительном этапе показатели должны проходить подтверждение и, возможно, корректировку перед оценкой целесообразности перехода с добровольной маркировки на обязательную.

При апробации эффективности механизма маркировки как инструмента противодействия незаконному обороту промышленной продукции следует также обращать внимание на правильность выбора кодов классификации продукции, в отношении которой вводится маркировка. Как показывает анализ практики, имеют место случаи, когда невключение того или иного кода продукции способно привести к стимулированию участников рынка действовать в обход закона.

В.А. Сивицкий, канд. юрид. наук (г. Санкт-Петербург), отметил, что вопрос об экспериментальных правовых режимах по своей природе имеет весьма существенные конституционно-правовые аспекты. Прежде всего сама суть правотворческого эксперимента, когда на ограниченной территории или к ограниченному кругу лиц применяется специальное регулирование, с неизбежностью ставит вопрос о соблюдении при этом принципа равенства. Это само по себе не дискредитирует возможность правотворческого экспериментирования, но предполагает необходимость соотносить решение о каждом конкретном эксперименте с теми конституционными ценностями, на реализацию которых направлено «проверяемое» в ходе эксперимента нормативное регулирование, а также во всяком случае не ограничивать, а расширять экспериментальным регулированием правовые возможности субъектов правоотношений.

При регулировании экспериментальных правовых режимов значимым является также вопрос об иерархии нормативных правовых актов в следующем аспекте: может ли решение об экспериментальном правовом режиме приниматься актом меньшей юридической силы, чем тот, которым установлено экспериментальное регулирование. Причем таким актом более высокой юридической

силы может быть как сам акт, исключения (отступления) из которого экспериментально устанавливаются, так и акт, предметом которого является порядок установления и осуществления экспериментальных правовых режимов в целом, что также может вносить коррективы в оценку допустимости такого нормативного решения. Этими вопросами конституционно-правовая проблематика регулирования правотворческих экспериментов, однако, не ограничивается.

Н.М. Александрина, канд. юрид. наук (г. Н. Новгород), акцентировала внимание на проблемах, возникающих при реализации Федерального закона от 24 апреля 2020 г. № 122-ФЗ «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой», а именно: отсутствие единообразия (унификации) оформления кадровых документов в государственных и частных структурах; отсутствие в организациях единого подхода к правилам хранения электронных документов, связанных с кадровой деятельностью; непроработанность вопросов, касающихся юридической значимости документа после того, как истек срок действия сертификата ключа электронной подписи.

Г.В. Грешнова, канд. юрид. наук (г. Н. Новгород), коснулась проблем реализации избирательного процесса в Российской Федерации, обратив внимание на то, что процессы становления демократического общества невозможны без народного представительства в управлении государством. С развитием информационных технологий стало успешно применяться электронное голосование. Электронное голосование — новая форма учета голоса волеизъявления избирателя, что говорит о качественно ином способе организации и проведения выборов, способствует совершенствованию избирательного процесса в Российской Федерации. Но нестабильность избирательного законодательства, большое количество противоречивых норм, не создающих необходимых юридических гарантий, связанных непосредственно с защитой нарушенных избирательных прав, в том числе в процессе электронного голосования, порождает недоверие граждан к избирательным процедурам.

А.Э. Моисеева (г. Москва) на основе анализа законодательной базы показала недостатки действующих нормативных правовых актов и предложила специфический механизм реализации государственной политики с учетом особенностей государственного управления в сфере циркового искусства.

А.А. Титов (г. Санкт-Петербург) вынес на обсуждение вопрос о свободе выражения мнения и пределах ее экспериментирования, адресовавшись к мысленному эксперименту относительно того, к чему привело бы лишение барьеров свободы слова и выражения мнений в условиях специальной военной операции.

Интересные размышления о правовом экспериментировании озвучили *представители неюридических научных дисциплин.*

С.Л. Ивашевский, д-р филос. наук, проф. (г. Н. Новгород), рассмотрел взгляды зарубежных и российских ученых на возможность применения эксперимента в социальном познании. Он отметил, что развитие теории и практики правового эксперимента происходит в направлении их гуманизации, ориентации на интересы и потребности реального, а не смоделированного, включенного в отдаленные от реальности теоретические схемы человека. Гуманизация социального эксперимента, утверждает С.Л. Ивашевский, требует создания комплексной методологии, учитывающей достижения различных наук, предполагающей

интеграцию усилий профессионалов-ученых и экспертов-практиков в соответствующей сфере деятельности. Сделан вывод о том, что социальный эксперимент (правовой как его разновидность) своим объектом и мерой имеет человека — микрокосм в русской философской традиции, ключ к раскрытию всех тайн мира. Этим определяется высокая ответственность при выборе такого метода, совокупность объективных проблем его применения и всегда высокая востребованность повышения его эффективности.

В.А. Демарева, канд. психол. наук, доц. (г. Н. Новгород), изложила направления киберпсихологических исследований, которые направлены на изучение взаимодействия человека и виртуальных сред применительно к юридической науке и практике. Киберпсихология, находясь на пересечении психологии и технологий, изучает особенности взаимодействия человека с виртуальными средами. Особое внимание уделено возможностям применения киберпсихологических знаний в юридической науке и практике. Актуальные эксперименты позволяют оценивать влияние информационных технологий на поведение человека в правовой сфере, на формирование новых этических норм и адаптацию к цифровой реальности. В докладе отмечено, что важным практическим направлением киберпсихологии в юридической сфере становится разработка методик для обеспечения безопасности и минимизации психологических рисков при взаимодействии с новыми цифровыми платформами. Это включает вопросы доверия к электронным системам, психологическую готовность юристов к использованию искусственного интеллекта в судебной практике, а также влияние виртуальных сред на восприятие доказательной базы.

Одним из направлений исследований стала оценка эффективности использования киберпсихологических методов в правовой практике. В частности, был проведен эксперимент, направленный на оценку эффективности «детектора лжи» с применением технологии айттрекинга. Айттрекинг, отслеживая движение и фиксацию взгляда, позволяет выявить скрытые эмоции и когнитивные процессы, которые могут свидетельствовать о попытках скрыть информацию. Полученные результаты демонстрируют перспективы применения айттрекинга в сочетании с традиционными методами детекции лжи для повышения точности верификации показаний в судебной практике.

О.Л. Морозов, канд. экон. наук (г. Н. Новгород), привлек внимание к оценке экономической эффективности правового эксперимента. В частности, проведение правового эксперимента дает возможность при планировании внесения изменений в правовое регулирование отдельных экономических сфер общественной жизни учесть особенности предполагаемых нововведений в том или ином секторе экономики для того, чтобы повысить эффективность действия принимаемых нормативных правовых актов, исключить непредвиденные отрицательные проявления при их применении. Не случайно в современном праве одним из составных компонентов эффективности помимо достижения цели и социальной полезности результата, моральности и оптимальности избираемых правовых средств является экономичность действия нормы.

Особенно актуальной в настоящее время представляется оценка экономической эффективности нормативно-правового обеспечения деятельности 53 особых экономических зон — отдельных территорий субъектов Российской Федерации, на которые распространяются преференциальные режимы предпринимательской деятельности и свободной таможенной зоны.

На примере особой экономической зоны «Кулибин», функционирующей в Нижегородской области, О.Л. Морозов проанализировал проведение оценки экономической эффективности правового эксперимента при правовом регулировании данного инновационного проекта по привлечению прямых инвестиций в приоритетные виды экономической деятельности региона.

Д.В. Сафронов, канд. техн. наук, доц. (г. Н. Новгород), рассуждая о взаимосвязи теории и практики экспериментирования, отметил, что в конечном счете с течением времени все теоретические результаты либо подтверждаются, либо опровергаются практическими внедрениями в жизнь людей. В естественных науках проведение эксперимента является в большинстве случаев обязательным, однако в науках, непосредственным образом связанных с социальными явлениями, результат эксперимента может быть чувствителен для значительной части людей, а потому «экспериментатор» не имеет права на ошибку. Такой эксперимент может быть проведен по заранее продуманной и согласованной с широким кругом экспертов методике, в которой должны быть четко ограничены территория, целевая аудитория, определены критерии успеха и неуспеха на каждом отдельном этапе для принятия решения о продолжении эксперимента или о его прекращении. Умело организованный спланированный подход к социальному эксперименту — основа его успеха.

О.Ю. Бубнова, канд. физ.-мат. наук, доц. (г. Н. Новгород), представила экспериментальные методы оценки экономической безопасности региона, отметив, что необходимость обеспечения экономической безопасности российских предприятий приобретает все большую актуальность. В современных условиях, когда компании функционируют в нестабильной среде, когда один экономический кризис сменяется другим, а конкурентная среда становится все более агрессивной, вопросы экономической безопасности выходят на первый план для всех предприятий.

Поскольку для определения уровня экономической безопасности необходимо оценить не только риски, но и мероприятия по реагированию на них, то перечень возможных мер, направленных на устранение корпоративного мошенничества, может быть следующим: внешний и внутренний аудит, грамотная кадровая политика (аттестация персонала, формирование кадрового резерва, разграничение полномочий), изучение психологических особенностей трудовой деятельности работников, создание благоприятных условий труда, формирование прогрессивной системы защищенного документооборота, введение корпоративных правил, положений, инструкций, регламентирующих принятие решений и путей согласования документов, проведение при необходимости оперативных мероприятий (проверка своей компании под видом контрагентов и т.д.).

М.С. Жуков, канд. физ.-мат. наук (г. Н. Новгород), поставил вопросы применения экспериментальных систем искусственного интеллекта в юридической деятельности. В настоящее время в юридической деятельности могут быть применены самые разные технологические решения с использованием искусственного интеллекта, такие как машинное обучение, экспертные системы, предикативная аналитика и др. Эффективность таких экспериментальных систем в юриспруденции пока слабо изучена, но, тем не менее, в России происходит внедрение таких систем в указанную деятельность. Рассмотрены экспериментальные системы с использованием искусственного интеллекта в юриспруденции и электронном правосудии. В частности,

проанализирован разрабатываемый единый сервис «Правосудие онлайн», который основан на технологии т.н. слабого искусственного интеллекта. Слабый искусственный интеллект извлекает информацию из ограниченного набора данных, и в результате эта система способна справляться с одной конкретной проблемой, решению которой она обучена.

Т.Е. Чикина, канд. пед. наук (г. Н. Новгород), продемонстрировала экспериментальные методы анализа качественных характеристик и уровневых моделей усвоения знаний у будущих юристов. Одним из этапов осуществления диагностической деятельности преподавателя высшей школы является соотнесение полученных результатов обучающимися, в том числе и будущими юристами, с теоретически известными уровнями усвоения изучаемых учебных дисциплин и установление качественных изменений в их личных достижениях. Объектами диагностики усвоения знаний могут выступать следующие качественные характеристики: полнота, глубина, осознанность, обобщенность, прочность, действенность. Условием их использования в качестве объектов диагностики выступает выделение эмпирических признаков-показателей, раскрывающих деятельностный характер усвоения обучающимися специальными профессиональными знаниями.

Проведенный сопоставительный анализ различных таксономий уровневых моделей показывает, что в основе их построения лежит общедидактический признак — вид деятельности (репродуктивный, продуктивный). Уровневый подход к обучению позволяет выделять некоторые промежуточные ступени превращения накопленного человеческого опыта в достояние личности обучающегося и дает возможность педагогическому работнику диагностировать усвоение знаний, овладение учебно-познавательными действиями и учебным материалом на выбранных уровнях.

По некоторым дискуссионным проблемам правового экспериментирования, методикам его использования в высшем юридическом образовании в формате пятиминутных реплик выступили профессора: **А.А. Васяев, М.А. Кириллов, И.В. Колесник, А.В. Петрянин**.

Свое видение общих и частных проблем правового экспериментирования предложили аспиранты (адъюнкты), студенты (курсанты и слушатели), магистранты, соискатели различных юридических вузов страны.

* * *

Завершая Форум, проф. **В.М. Баранов** кратко подвел итоги двухдневной дискуссии. Приглашая к участию в XXVII Международном форуме, он объявил, что в его рамках будет проведен конкурс эссе «*Юрист как animal symbolicus*»: личный опыт обращения к символическим феноменам в научной, преподавательской, практической работе, семейной жизни». Созданное оргкомитетом Форума жюри определит трех победителей, которые будут поощрены, а их эссе опубликованы в ежегоднике «Юридическая техника» (вып. № 20).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев А.Н., Степичев С.С.* Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений. М., 1959. С. 19, 27–30.
2. *Гаврилов Б.Я., Красильников А.В.* Институт привлечения лица в качестве обвиняемого: соответствует ли он реалиям сегодняшнего дня? // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68). С. 88–96.
3. *Степанова Е.* Трансплантация органов человека: мировой опыт и Россия. Гражданско-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

REFERENCES

1. *Vasiliev A.N., Stepichev S.S.* Reproduction of testimony on the spot during the investigation of crimes. M., 1959. Pp. 19, 27–30 (in Russ.).
2. *Gavrilov B. Ya., Krasilnikov A. V.* The institute of bringing a person as an accused: does it correspond to the realities of today? // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (68). Pp. 88–96 (in Russ.).
3. *Stepanova E.* Transplantation of human organs: world experience and Russia. The civil law aspect: abstract ... PhD in Law. M., 2004 (in Russ.).

Сведения об авторах

БАРАНОВ Владимир Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности; 603950 г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3; президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»

Authors' information

BARANOV Vladimir M. — Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development of Scientific Activity; 3 Ankudinovskoe Highway, 603950 Nizhny Novgorod, Russia; President of the Nizhny Novgorod Research Scientific and Applied Center “Yuridicheskaya Tekhnika (Legal Technology)”

Сведения об авторах

КРОТКОВА Наталья Викторовна —
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник сектора
конституционного права
и конституционной юстиции
Института государства и права
Российской академии наук;
заместитель главного
редактора журнала «Государство и право» РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

БАРАНОВА Марина Владимировна —
доктор юридических наук,
кандидат культурологии, профессор,
профессор кафедры теории и истории
государства и права,
заместитель декана по научной работе
юридического факультета
Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского;
603022 г. Нижний Новгород,
проспект Гагарина, д. 23;
вице-президент Нижегородского
исследовательского научно-прикладного центра
«Юридическая техника»

Authors' information

KROTKOVA Natalya V. —
PhD of Law,
Leading Researcher, Sector of Constitutional Law
and Constitutional Justice,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Vice-Editor-in-Chief
of the journal “State and Law”
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

BARANOVA Marina V. —
Doctor of Law,
Candidate of Cultural Studies, Professor,
Professor of the Department of Theory and History
of State and Law, Deputy Dean
for Research at the Faculty of Law
of the National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod;
23 Gagarin Ave., 603022 Nizhny Novgorod, Russia;
Vice-President of the Nizhny Novgorod
Research Scientific and Applied Center
“Yuridicheskaya Tekhnika (Legal Technology)”